

М.В. БРАТЕРСКИЙ*

ВАШИНГТОН И НОВЫЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ДЕРЖАВЫ АЗИИ

Начало XXI века в Азии выдалось крайне бурным и насыщенным событиями. Основное внимание общественности и экспертного сообщества было приковано к операциям в Афганистане, войне в Ираке и ядерной программе Ирана. Именно этим темам было посвящено и большинство политических дискуссий в США. Вместе с тем, конкретные инициативы американской администрации и законодателей выдвигались в контексте более широкого понимания Соединёнными Штатами общей и региональной проблематики Азии, а также в соответствии с их видением как своей роли в азиатских делах, так и политических процессов, разворачивающихся в этой части света.

Характерная особенность современной Азии – активизация на политической арене новых региональных держав: малоуязвимых в военном отношении, крупных, экономически и демографически быстрорастущих, претендующих на лидирующую роль в своих регионах и обладающих (или стремящихся обладать) ядерным оружием. В настоящий момент на роль лидеров здесь претендуют Индия, Пакистан и Иран (Япония и Китай уже давно являются великими державами), так как прочие страны региона, включая Израиль, по разным причинам пока не могут претендовать на лидерство.

Американская политика в отношении этих трёх держав и составляет предмет рассмотрения в данной статье.

Факторы, влияющие на формирование американской политики в Азии

Главным фактором, определяющим направление политики США в различных регионах Азии при двух администрациях Дж. Буша-мл., является подавляющая мощь и ощущение своего всемогущества. Традиционный соперник по «холодной войне» исчез, Европейский Союз не имеет ни амбиций, ни сил для активной политики в Азии. США, напротив, мобилизовались после терактов 11 сентября 2001 г. Американское руководство было вполне уверено в силах своей страны: она добилась лёгкой и стремительной победы в войне в Персидском заливе в начале 1990-х годов, бомбёжки Сербии также не встретили серьёзного противодействия в мире, к тому же в ходе операции на Балканах США не потеряли ни одного человека. Экономика страны в конце 1990-х стремительно росла, биржевые индексы били все рекорды. США достигли пика своего могущества и в этом плане, пожалуй, превзошли Британскую империю в эпоху её расцвета.

* БРАТЕРСКИЙ Максим Владимирович – доктор политических наук, старший научный сотрудник ИСКРАН, директор Школы российских исследований ГУ – ВШЭ. Copyright © 2007.

Другим формирующим фактором политики США как в мире, так и в различных регионах Азии стало растущее осознание ими своей уязвимости. Основную роль в этом сыграли террористические атаки на американские города в 2001 г., ставшие симптомом более глубоких изменений в расстановке сил в мире. Технологическая революция в распространении информации и в коммуникациях, а также глобальная тенденция к приватизации начали перераспределять роли в мировой политике – от крупных государств к более мелким и от государств к частным лицам. Это перераспределение возможностей оказывать влияние на международную политику коснулось, прежде всего, способности менее крупных государств, неправительственных организаций (НПО), а иногда и частных лиц, наносить ущерб крупным государствам и всей системе международной безопасности. В мировой политике стало набирать силу явление, которое можно назвать «присвоением права на применение силы», или, по выражению Дж. Найя, «приватизация войны»¹.

Третьим фактором стало ощущение американцами своей исключительности и, как это ни парадоксально, одиночества в мире. ООН становилась всё менее эффективной и слишком тесной для единственной сверхдержавы. Союзники в Европе и Азии мало что могли предложить в помощь огромной военно-политической машине США, к тому же их видение мира по масштабу всё больше расходилось с американским. Новые региональные державы пока не выглядели в глазах Вашингтона равными и достойными партнёрами, многие американские политики продолжали видеть в них переходные страны, ещё не созревшие для самостоятельной роли в мировых и региональных делах.

Четвёртым фактором, оказавшим и оказывающим влияние на формирование внешнеполитической политики США в Азии, является интенсивная идеологизация их внешней политики. Мессианиззм был одной из основ этой политики в течение всей «холодной войны», да и до неё, но с 1990-х годов, особенно с приходом в Белый дом администрации Клинтона, американцы окончательно уверились, что распространение идеалов свободы и демократии в мире – лучшая гарантия защиты многообразных американских интересов, в том числе и интересов национальной безопасности.

Следует выделить ещё один фактор, давший администрации Буша большую свободу в определении американской внешней политики и несколько отдаливший от процесса принятия внешнеполитических решений как экспертное сообщество, так и общественное мнение. Он заключался в потере американцами в конце 1990-х годов интереса к внешнеполитической проблематике, как об этом свидетельствуют опросы общественного мнения. В 1990–2000 гг. ведущие американские телекомпании сократили на две трети свою корреспондентскую сеть за рубежом. Другая тенденция в американском обществе заключалась в его растущем высокомерии. Всё больше американцев проникались уверенностью во всемогуществе и неуязвимости своей страны, и поэтому сотрудничество с другими странами в их глазах уже не было необходимым, а внешнеполитические решения Белый дом вполне мог принимать в одиночку, без общественной дискуссии, так как успех американской политики в любом случае был гарантирован.

Идеологические основы американской политики в Азии

¹ Nye J., Jr. The Paradox of American Power. Oxford, 2002, p. x.

Мировоззренческие рамки современного американского взгляда на мир в существенной степени задаются концепциями мировой конфликтности после окончания «холодной войны», выдвинутыми американскими экспертами. Наиболее влиятельные модели конфликтности были разработаны такими известными учёными, как Ф. Фукуяма, С. Хантингтон, Т. Фридмен, П. Кеннеди, Р. Каплан и др.

Ф. Фукуяма в своей теории «конца истории» видит венцом политического развития государств переход к либерально-демократическому устройству, характерному для стран современного Запада. Источник конфликтности в новую эпоху, по мысли учёного, заключается в противостоянии «исторических» стран (всё ещё идущих по пути исторического развития) и «постисторических» (либеральных демократий)².

В основе концепции «столкновения цивилизаций», выдвинутой С. Хантингтоном, лежит признание того, что современный мир не является единым и универсальным, а, наоборот, состоит из нескольких чётко очерченных цивилизаций. Линии, разделяющие цивилизации, по Хантингтону, становятся основными линиями конфликтов³.

По Т. Фридмену основной источник мировой конфликтности в современном мире заключается в столкновении интересов тех стран, которые сумели воспользоваться плодами глобализации, и теми, кто остался на обочине современного технологического развития. Он считает, что основная масса конфликтов будет происходить между «быстрым» (постиндустриальным) миром и «медленным» миром⁴.

П. Кеннеди и Р. Каплан выступили с теорией анархии, которая в скором времени может охватить многие страны Юга, где существуют неэффективные государственные модели и нет условий для экономического развития. По их мнению, основная линия раскола современного мира пройдёт между бедным, теряющим управляемость и погружающимся в анархию Югом, и богатым, самодовольным Севером⁵.

В целом, американское внешнеполитическое сообщество вне зависимости от идеологической ориентации тех или иных экспертов рассматривает меняющуюся ситуацию в мире, особенно в Азии, с определённой тревогой. Конфликтный потенциал в Азии, полагают они, будет расти, и Соединённым Штатам нужно готовиться к решению самых разнообразных проблем, так как их географическая удалённость больше не является гарантией безопасности страны.

К существенным идеологическим ограничениям, влияющим на политику США в отношении новых региональных держав в Азии, особенно Ирана, – помимо присущего американскому внешнеполитическому мышлению манихейского понимания природы формирования международных отношений как результата противостояния двух абсолютов – сил зла и сил добра⁶, относится существование на протяжении десятилетий двух

² Fukuyama F. The End of History? – «The National Interests», Summer 1989 (пер. на рус. яз. см.: «США–ЭПИ», 1990, № 5. – *Ред.*)

³ Huntington S. The Clash of Civilization? – «Foreign Affairs», Summer 1993 (пер. на рус. яз. см.: «США–ЭПИ», 1994, № 3. – *Ред.*)

⁴ Friedman Th. The Lexus and Olive Tree. N.Y., 1999.

⁵ Kaplan R. The Coming Anarchy: Shattering the Dreams of the Post-Cold War. N.Y., 2000; Kennedy P. Preparing for the 21st Century. N.Y., 1993.

⁶ Отсюда исходит абсолютизм суждений и окончательность определений, отсюда происходит и полурелигиозная демонизация противника. В каком-то смысле такое понимание мира само порождает врага: если США представляют собой абсолютное добро, то у него обязательно должен быть противник. Этот пласт внешнеполитического сознания американцев помогает понять происхождение терминов типа «оси зла» и религиозно-экзальтированные формы мобилизации общественного мнения в поддержку внешней политики администрации. Аргументация, выдвигавшаяся

школ изучения международных отношений. Одна, «либеральная», выводит систему международных отношений как производное от внутреннего устройства стран (ярким примером такого подхода является клинтоновское заявление о том, что «демократии не воюют друг с другом»). Другая школа, «реалистическая», в духе внешней политики Никсона – Киссинджера, видит источник международной стабильности прежде всего в балансе сил и легитимности игроков на международной арене. При том, что различие подходов двух школ в реальной американской политике выражается в нюансах, а отнюдь не в кардинальной смене курса, либеральные идеи внешней политики администрации Клинтона – стратегия «расширения и вовлечения» (идеи распространения демократии в мире как залога международной стабильности) – явно способствовали отождествлению многих недемократических стран со странами «оси зла».

На отношении США к странам типа Ирана сказывается ещё и неприятие ими «нецивилизованного», как считают американцы, поведения таких стран, не придерживающихся общепринятых правил игры. Главное, что вызывает отторжение со стороны США, это девиантное поведение стран, попавших под категорию «проблемных». В одном случае это могло быть построение исламского государства в Иране, в другом – попытки изменения Ираком нефтяного статус-кво в Персидском заливе. Типичная реакция Вашингтона на такие случаи состояла в том, что подобное поведение должно быть обязательно изменено и возвращено в русло «общепринятой», т.е. приемлемой для США, практики⁷.

Союзнические обязательства и ресурсные ограничения

При анализе американской политики в различных регионах Азии следует учитывать, что у Соединённых Штатов имеется ряд обязательств в области безопасности. У них есть военные союзники (к ним относятся прежде всего Япония, Республика Корея, Филиппины и Австралия), которых они обязуются защищать; на территории большинства стран-союзниц размещены американские войска. Несколько менее определённые отношения существуют между США и Пакистаном, США и Саудовской Аравией. Пакистан – «наиболее важный союзник США вне НАТО», однако США не обязаны автоматически выступить в защиту этой страны в случае военного конфликта с её участием.

В последние годы несколько пошатнулись отношения США с Саудовской Аравией, руководство которой испытывает всё большее давление со стороны идеологизированных мусульман, которых не устраивает тесная связь со страной, которая рассматривается многими мусульманами как враг.

американскими администрациями и используемая Белым домом по сей день в оправдание своей политики в отношении таких стран, как Иран, почти всегда выходит за грань рационального.

⁷ Здесь видна аналогия с мыслями Дж. Кеннана, высказанными более полувека ранее в отношении Советского Союза. Одна из главных посылок автора исторической статьи о поведении Советского Союза как раз и состояла в том, чтобы с течением времени привести изменения в советское понимание международных отношений. Задачу подобных изменений Дж. Кеннан видел в том, чтобы убедить советских лидеров, что им более выгодно существовать в разнородном мире, чем пытаться переделать его по своему образцу (Mr. X. The Sources of Soviet Conduct. – «Foreign Affairs», Spring 1947. Пер. на рус. яз. см. «США–ЭПИ», 1989, № 12. – *Ред.*).

После войны в Персидском заливе в начале 1990-х годов США, по сути, взяли на себя обязанности по обеспечению безопасности в данном регионе. Вместе с тем эти обязательства носят скорее политический характер, они не оформлены в договорные формы. Американскому присутствию в регионе активно противостоят Иран и Сирия.

При анализе американской политики по отношению к новым региональным державам Азии необходимо также принять во внимание материальные и человеческие ресурсы, которыми Соединённые Штаты могут обеспечить свою политику в регионе. На январь 2007 г. американские расходы на войну в Ираке составили 360 млрд. долл. На операции в Ираке и Афганистане тратится около 120 млрд. долл. в год, что составляет около 20% военного бюджета и около 5% общего федерального бюджета США. Существуют оценки, что общая стоимость иракской войны составит от 750 до 1200 млрд. долл.⁸ Учитывая растущий дефицит американского федерального бюджета, недофинансирование системы социального страхования и прочие финансовые проблемы, можно утверждать, что расходы на активную политику в Азии слишком высоки даже для Соединённых Штатов.

Осуществление интервенционистской политики США в Азии сдерживает также ограниченность их военных ресурсов. В Ираке и Афганистане находятся около 150 тыс. американских военнослужащих, или более 10% численности вооружённых сил (без резервистов). Ещё примерно столько же военнослужащих размещены на американских базах за границей и более 100 тысяч находятся на кораблях в Мировом океане. Таким образом, практически все свободные военные ресурсы США уже задействованы и провести ещё одну крупную наземную операцию, например против Ирана, по сути, нечем.

К тому же на политику Вашингтона в Азии оказывают определённое влияние потери американских вооружённых сил в Ираке и Афганистане. На январь 2007 г. США потеряли в Афганистане более 300 военнослужащих, в Ираке – 3063⁹. В абсолютных цифрах эти потери сравнительно невелики, но они постепенно влияют на американское общественное мнение, которое всё настойчивее требует вывести американских солдат из зон конфликта.

Региональные приоритеты политики США в Азии

Азия в целом занимает достаточно высокое место в списке внешнеполитических приоритетов США, следуя в нём непосредственно за Европой и находясь выше чем Латинская Америка и Африка. Вместе с тем следует иметь в виду, что геополитическое видение Азии американцами отличается от её классического географического деления. Так, Ближний Восток, особенно новый геополитический регион «Большой Ближний Восток», с точки зрения американцев, охватывает не только собственно Ближний Восток, но и часть Среднего Востока (Иран, Афганистан), часть Южной Азии (Пакистан) и часть Африки (Магриб, Судан). Центральная Азия включает не только бывшую советскую Среднюю Азию, но и Монголию.

Разные регионы Азии обладают неодинаковым политическим весом в глазах американцев. Под «Азией» американские политики понимают прежде всего Восточную Азию, точнее – Северо-Восточную Азию, где в центре проблематики находятся американо-японский союз, американо-китайские отношения и конфликт вокруг Тайваня. Другим

⁸ Bilmes L., Stiglitz J. The Economic Costs of the Iraq War (<http://www2.gsb.columbia.edu>).

⁹ <http://www.casualties.org>; <http://www.natioanpriorities.org>

высоким приоритетом в американской внешней политике обладает Ближний Восток, где «Ближний Восток» означает прежде всего арабо-израильский конфликт, а Персидский залив, как правило, выделяется в отдельный геополитический регион со своей проблематикой. Южная Азия традиционно обладает сравнительно низким приоритетом в американской политике на азиатском направлении. Этот регион привлекает внимание американской внешней политики лишь по двум причинам: из-за противостояния Индии и Пакистана, имеющего существенный ядерный аспект, и из-за использования последнего в качестве союзника и плацдарма в борьбе с талибами в Афганистане и в поисках Усамы бен Ладена. Вместе с тем следует отметить, что в подходах к рассмотрению некоторых проблем, особенно проблем Индийского океана, американцы учитывают в своих планах в Южной Азии и фактор Австралии.

Региональные приоритеты американской внешней политики в Азии время от времени меняются. В некоторых случаях перемещение акцентов бывает вызвано существенным изменением международной обстановки в том или ином регионе. Например, так было после серии ядерных испытаний в Индии и Пакистане в 1998 г., что на некоторое время сделало этот регион одним из самых приоритетных в американской политике. Смена приоритетов может быть вызвана и другими причинами – идеологическими, материальными, военными. Так, после начала войны в Ираке весной 2003 г., особенно после того, как там развернулась партизанская война и усилилась критика Белого дома, проблема ядерной программы КНДР отошла в политике Вашингтона на второй план. Аналогичным образом война Израиля в Ливане в 2006 г. на некоторое время отодвинула иранскую проблематику в работе Госдепартамента и Белого дома.

Следует отметить, что, хотя функциональная структура Госдепартамента и командований видов вооружённых сил построена по географическому принципу, основу американской политики в этой части света составляет проблемный подход и именно проблемные приоритеты являются главными в деятельности администрации Буша.

Все направления американской политики следует рассматривать в комплексе, так как они преследуют цель урегулировать разные аспекты одной и той же проблемы, и Соединённые Штаты применяют для этого единую стратегию. В период деятельности первой администрации Буша эта стратегия формулировалась как «сдерживание проблемных стран», позже она была расширена и углублена и стала основываться на идеях распространения в Азии свободы и демократии.

Основные угрозы своим национальным интересам Соединённые Штаты сегодня видят в действиях репрессивных режимов, которые пытаются повысить свой международный статус силовыми методами, добиваются доступа к оружию массового уничтожения, грабят свои народы для личного обогащения, развёртывают новые военные программы и вовлекаются во внешнеполитические авантюры. В условиях роста глобальной взаимозависимости США теперь рассматривают как угрозу международной стабильности (читай: своим интересам) также потерю управляемости внутренними процессами в отдельных странах мира, что может привести к внутренним конфликтам, генерирует гуманитарные катастрофы.

В конце 1990-х годов ещё недавно наиболее важная тайваньская проблематика уступила свой приоритет в азиатской политике Вашингтона сдерживанию «проблемных стран», борьбе с их попытками получить ядерное оружие, усилиям по стабилизации стран, теряющих внутреннюю управляемость и, конечно, «борьбе с терроризмом».

«Проблемные страны» – термин, введённый администрацией Буша в 2001–2002 гг. для обозначения круга стран «третьего мира», создающих своими действиями или бездействием угрозу безопасности глобальным интересам США. К «проблемным» относятся как страны с репрессивными режимами, проводящие антиамериканскую политику и пытающиеся получить доступ к оружию массового уничтожения, прежде всего ядерному, так и «страны-банкроты», потерявшие внутреннюю управляемость из-за развала государственной машины или гражданских войн, а в некоторых случаях и новые ядерные страны, особенно когда они вовлечены в региональные конфликты, где существует опасность применения ядерного оружия. Именно такая ситуация неоднократно возникала в Южной Азии между новыми региональными державами.

Политика Вашингтона в отношении Индии и Пакистана

После ядерных испытаний 1998 г., проведённых Индией и Пакистаном, Соединённые Штаты постепенно пришли к выводу, что пытаться вернуть эти страны в безъядерную категорию уже поздно и что нужно выработать новую линию в отношении ядерных держав Южной Азии. Влиятельный нью-йоркский Совет по международным отношениям призвал администрацию США отменить санкции, введённые против Индии и Пакистана, считая, что они не только наносят ущерб экономическим интересам Соединённых Штатов, но и противоречат их стратегическим интересам в регионе. Совет рекомендовал установить с Индией стратегическое партнёрство и укрепить отношения с Пакистаном.

В специальном исследовании экспертов совета отмечалось, что санкции могут ослабить политическую власть в Пакистане, так как эта страна и без того страдает от ряда политических, социальных и экономических проблем, включая огромный внешний долг и отсутствие золотовалютных резервов: «Стабильный Пакистан, обладающий ядерным оружием, – уже большой повод для беспокойства, нестабильный Пакистан – гораздо хуже»¹⁰.

Предлагалось выделить Пакистану кредиты для торговли и инвестиций, списать часть его внешнего долга, оказывать ему экономическую и военную помощь, осуществлять ограниченные поставки вооружений.

По мысли авторов этих рекомендаций, в результате укрепления дружественных отношений с Индией и Пакистаном США должны добиться создания атмосферы, в которой они могли бы убедить обе державы не увеличивать количество ядерных боеголовок, находящихся у них в распоряжении, не размещать боеголовки на самолётах и ракетах, прекратить производство расщепляющихся материалов военного назначения, не передавать свои ядерные и ракетные технологии третьим странам.

Другое направление тревог американских специалистов связано с безопасностью ядерных объектов Индии и Пакистана. По мнению экспертов Фонда Карнеги, в отношении ядерных программ южноазиатских стран следует использовать опыт, накопленный США при обеспечении безопасности ядерных объектов в России и странах СНГ¹¹, так

¹⁰ After the Tests: U.S. Policy Toward India and Pakistan. Report of an Independent Task Force. N.Y., 1998, pp. 6–7.

¹¹ Gottemoeller R., Longworth R. Enhancing Nuclear Security in the Counter-Terrorism Struggle: India and Pakistan as a New Region for Cooperation. – Wash., 2002.

как такие меры помогли бы предотвратить попадание ядерного оружия и материалов в руки террористов и в целом укрепили бы стабильность на субконтиненте.

Что касается **Индии**, то предлагалось чаще проводить индийско-американские встречи на высоком уровне, либерализовать экспорт технологий двойного назначения, сотрудничать в области энергетики, включая атомную, поддержать членство Индии в организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС).

Во времена «холодной войны» Индия опиралась на два источника стратегической поддержки своей внешней политики: особые советско-индийские отношения и своё лидерство в Движении неприсоединения. С тех пор ситуация изменилась: с распадом СССР исчезло советско-индийское противостояние в регионе с КНР и США. Индия развивает сотрудничество с Россией, особенно в военно-технической сфере, но уровень индийско-российских связей далёк от уровня отношений с СССР. С распадом биполярной структуры международных отношений понизилась и роль Движения неприсоединения как третьей силы, в котором Индия играла ведущую роль. В этой ситуации индийским политикам и стратегам пришлось пересмотреть свою долговременную внешнеполитическую и военную стратегию, направленную на достижение превосходства в регионе, на стратегию сдерживания, призванную укрепить позиции страны в Азии¹².

Индийская стратегия регионального сдерживания преследует несколько основных задач, в частности предполагается обеспечить полное превосходство Индии на полуострове Индостан и усилить контроль за Индийским океаном, удерживая одновременно территории на индийско-пакистанской и индийско-китайской границе, которые сейчас ею контролируются, и не упуская из виду своих слабых соседей (Непал, Бангладеш, Шри-Ланка). Главное же – используя стратегию морского и ядерного сдерживания, постепенно добиться статуса мировой державы.

В Индии существует внутривластный консенсус по вопросу о ядерном оружии. Её общественное мнение поддерживает идею сохранения ядерной опции. Так, проведённый ещё в декабре 1995 г. опрос показал, по данным газеты «Индия тудей», что 62% индийцев выступают за проведение ядерных испытаний, а 68% граждан полагают, что Индия может отказаться от ядерного оружия лишь в том случае, если это сделают все ядерные державы. Подобную позицию разделяют основные политические силы Индии – партии Индийский национальный конгресс и, особенно, правая Бхаратия Джаната. Разумеется, на этих позициях стоит и военное руководство страны, хотя в Индии военные, как правило, не вмешиваются в политические вопросы.

Ядерная доктрина Индии складывалась в отсутствие ясных установок со стороны её политического руководства. Политики и гражданские руководители ядерной программы не решились доверить контроль за ядерным оружием страны военным; в результате оно находится под гражданским контролем, а средства доставки – под контролем военных. В своих оперативных планах военные учитывают ядерный фактор, но по существу Индия основывает свою военную доктрину на принципе неядерного сдерживания, когда ядерное оружие может быть применено лишь для ответного удара¹³.

¹² См., например: S h r i v a s t a v a V. Indian Army 2020: A Vision Statement on Strategy and Capability. – «Strategic Analysis», September 2001, vol. XXV, No. 6; A n a n d V. Evolution of a Joint Doctrine for Indian Armed Forces. – «Strategic Analysis», July 2000, vol. XXIV, No. 4.

¹³ S i n d h u W. India's Nuclear Use Doctrine. In: L a v o y P. et. al. Planning the Unthinkable. Itaca, 2000, pp. 125–158.

Пакистан сделал выбор в пользу ядерного оружия значительно позднее Индии, в начале 1970-х годов, хотя предыстория его ядерной политики восходит к 1950-м годам и во многом связана с политикой США на субконтиненте. В разгар «холодной войны» важное стратегическое положение Пакистана к югу от СССР и к западу от КНР привлекло к нему пристальное внимание Вашингтона. Пакистан вступил в военные блоки под эгидой США (СЕАТО и СЕНТО) и в результате стал получать современное американское оружие на огромные по тому времени суммы. К середине 1960-х годов в Исламабаде сочли свою страну достаточно защищённой в политическом и военном плане от потенциальной угрозы со стороны Индии. В этих условиях пакистанские военные, всегда игравшие центральную роль во внутренней политике страны, не считали ядерное оружие жизненно необходимым для её безопасности, в то время как Индия энергично наращивала свою ядерную инфраструктуру.

В 1965 г. Пакистан предпринял неудачную попытку потеснить Индию в Кашмире. Войну он проиграл, а США наложили эмбарго на поставки вооружений в Пакистан. В результате он лишился американской военной поддержки, а также ощущения безопасности: армия стала проявлять недовольство сложившейся ситуацией, и в стране назрел внутривнутриполитический кризис. Популярный министр иностранных дел З. Бхутто, последовательно выступавший за ядерный Пакистан, дистанцировался от правительства, и его идеи стали приобретать всё большую популярность среди пакистанских военных и бюрократии. Уже в 1968 г., вслед за Индией, Пакистан отказался подписать ДНЯО, а в 1972 г., после поражения в войне с Индией и расчленения Пакистана (в его восточной части возникло новое государство – Бангладеш) вступивший в должность президент Бхутто заявил, что «пакистанцы получают бомбу, даже если им придётся есть траву».

В Пакистане, как и в Индии, существует внутривнутриполитический консенсус по вопросу о ядерном оружии. Пакистанская политическая система существенно отличается от индийской. Традиционно в Пакистане гораздо большую роль играет институт президента, военная элита и высшая бюрократия. Начиная с 1970-х годов в пакистанской элите преобладает мнение о необходимости иметь ядерное оружие. Это мнение ещё больше укрепилось после объявления Индией своей ядерной доктрины¹⁴.

Но в отличие от Индии Пакистан не рвётся в клуб великих держав, который в какой-то степени оформлен Советом Безопасности ООН. Амбиции Пакистана в основном ограничены исламским миром, где многие десятилетия остро стоит вопрос о лидерстве. В разные периоды эту роль примеряли и Саудовская Аравия, основывая свои претензии на традиционных мусульманских ценностях, и Ирак при Саддаме Хусейне, выдвигая на первый план военную силу и идею возрождения халифата. В этой ситуации мусульманская страна, имеющая ядерное оружие, автоматически становится важным центром мусульманского мира. Политический эффект такого рода осознавался пакистанскими политиками с самого начала, поэтому З. Бхутто, говоря о будущей пакистанской бомбе в 1970-х годах, не раз называл её «исламской бомбой».

Пакистан формально не объявлял о своей ядерной доктрине, но на практике придерживается принципов минимального ядерного сдерживания и обороны обычными средствами. Вслед за Индией он отказался принять на себя обязательство не применять первым ядерное оружие. Из этого можно сделать вывод о том, что это оружие рассматривается им как важный компонент стратегии безопасности. Действия Пакистана во

¹⁴ Akhtar H. New Delhi's N-Doctrine Threatens Global Peace. – «Dawn», September 1999.

время предыдущих индийско-пакистанских кризисов свидетельствуют о том, что он может применить ядерное оружие в определённой ситуации, например в неядерной войне, в ходе которой Индия была бы близка к его расчленению или когда Пакистану угрожало бы применение против него ядерного оружия¹⁵.

Оценивая современную политику США в отношении Индии и Пакистана, следует отметить, что две страны Южной Азии занимают разное место в американской политике и Вашингтон видит за ними принципиально разные роли.

Пакистан – союзник США «по необходимости». Он нужен им как база для операций в Афганистане и как некая опора их действий в Персидском заливе и Средней Азии. Он играет роль противовеса слишком быстро растущей Индии, его ресурсы могут в будущем быть использованы в противостоянии с Китаем. Вместе с тем Пакистан считается нестабильной страной, он часто не разделяет ценностей американцев, порой его приходится заставлять действовать в американских интересах силой (в 2001 г. помощник государственного секретаря США Р. Армитидж угрожал П. Мушаррафу бомбёжками Пакистана, если тот не займёт активную проамериканскую позицию в войне с талибами). Соединённые Штаты недовольны наличием у Пакистана ядерного оружия, они опасаются дестабилизации в этой стране и попадания ядерного оружия в руки религиозных фанатиков.

Последние несколько лет отношения между США и Пакистаном развивались достаточно стабильно, но война с терроризмом, объявленная Вашингтоном, и, особенно, операция в Афганистане внесли в политику США в Южной Азии свои нюансы. Режим Мушаррафа поддержал военные усилия американцев в Афганистане и Ираке, что вызвало новый виток напряжённости в противостоянии военного светского режима и многочисленных фундаменталистских групп внутри Пакистана. На президента Мушаррафа несколько раз совершались покушения, и ситуация внутри страны сегодня характеризуется нестабильностью. Население страны в подавляющем большинстве настроено антиамерикански – лишь 5% опрошенных положительно относятся к США¹⁶, влияние правительства в северо-восточных провинциях Пакистана сведено к минимуму – именно сюда переместились многие афганские пуштуны после разгрома «Талибана» в Афганистане. США предоставили Пакистану статус «важного союзника» вне НАТО, но этот шаг вызвал лишь неприятие Индии и мало способствовал укреплению нынешнего режима Пакистана внутри страны. Не исключено, что на нынешнем этапе американские базы в Средней Азии должны будут не только способствовать военным усилиям Вашингтона в Афганистане и Ираке, но и «приглядывать» за пакистанскими ядерными объектами.

В целом США не рассматривают Пакистан в настоящий момент как самостоятельную региональную державу, которая могла бы взять на себя ответственность за стабильность в регионе. Максимум, на что рассчитывают американцы, – это на то, что Пакистан сумеет сохранить внутреннюю стабильность и поможет стабилизировать Афганистан.

Индия для Соединённых Штатов, напротив, – реальная региональная сила. Дели продолжает интенсивный диалог с Вашингтоном в политической, научно-технической, экономической и военной областях. Ключевыми во взаимоотношениях двух стран стали

¹⁵ Cheema Z. Pakistan's Nuclear Use Doctrine and Command and Control. In: Lavoie P. et. al. Op. cit., p. 177.

¹⁶ Лунёв С.И. Международный терроризм и «Панча Шила» (подходы России и Индии). В кн.: Принципы «Панча Шила» в современном мире. М., ИВРАН, 2004, с. 73.

две встречи американского президента с предыдущим премьер-министром Индии А.Б. Ваджпайи. На встрече в Нью-Йорке в 2002 г. страны договорились сотрудничать на новой основе, с учётом их стратегических интересов в Азии и других регионах. На другой встрече, в январе 2004 г., был намечен амбициозный план сотрудничества в области гражданской атомной энергетики, исследований космоса и ПРО. Вместе с тем взгляды Индии и США на многие проблемы международной жизни не совпадают. Так, Индия не поддержала американское вторжение в Ирак. Премьер-министр Индии Манмохан Сингх отмечал, что коренного изменения в американо-индийских отношениях не произошло. Он полагает, что «США и Индия не могут быть естественными союзниками, если Вашингтон предоставляет Пакистану статус “крупного союзника вне рамок НАТО”, даже не проконсультировавшись с Индией»¹⁷. Индия де-факто взяла на себя ответственность за стабильность Южноазиатского региона, на который Соединённые Штаты не хотели бы тратить свои ресурсы. Индия не является союзником США, но её демократическое политическое устройство делает политику Дели предсказуемой и понятной Вашингтону. Интересы Индии и США по большей части не пересекаются, хотя ряд вопросов международных отношений постоянно становится предметом американо-индийских дискуссий. США приняли как данность наличие у Индии ядерного оружия и готовы рассматривать её претензии на участие в решении мировых проблем. По сути Вашингтон признал за Индией статус самостоятельной и ответственной мировой державы.

Внешняя политика Ирана. Политика США в отношении Ирана

В основе внешнеполитической линии Ирана лежат опасения того, что страна может оказаться в окружении враждебных сил. Для таких опасений существуют веские основания: государства Персидского залива разместили на своей территории американские войска и дискриминируют шиитские общины у себя дома; Пакистан провоцирует пограничные инциденты и поддерживает антииранский режим в Афганистане; некоторые бывшие советские среднеазиатские республики позволили американцам открыть у себя военные базы. Наиболее опасными для Ирана представляются Соединённые Штаты, которые пытаются использовать в своих стратегических интересах Среднюю Азию и Израиль, обладающий ядерным оружием и оккупирующий мусульманские святыни.

Не в меньшей степени Иран опасается своих арабских соседей, с которыми у него имеются многочисленные противоречия. Основным фактором, определяющим их взаимоотношения, является национализм или, точнее, противоположные национальные интересы сторон. Другим фактором, усилившим антиарабские настроения в Иране, стало восприятие его многими арабскими режимами в качестве единственной здесь неарабской страны, «периферии арабского мира». С точки зрения Ирана уже в течение двух веков происходит его культурное и территориальное «выталкивание» из зоны Персидского залива. Отношения между государствами региона осложняются территориальными спорами. К тому же их разделяют религиозные противоречия: по Персидскому заливу проходят границы размежевания двух ветвей ислама – на севере зоны залива преобладают шииты (в основном иранцы), а на юге – сунниты (в основном арабы). Иран и крупные нефтедобывающие го-

¹⁷ «India Today», 14.06.2004.

сударства региона также придерживаются противоположных взглядов на объёмы нефтедобычи и на ценовую политику в этой области. Наконец, Иран – самая большая страна региона как по численности населения, так и по территории (если не принимать во внимание почти безлюдную Аравийскую пустыню). Малые государства Персидского залива чувствуют себя неуютно рядом с таким большим соседом и с подозрением наблюдают за военной деятельностью Ирана.

В обеспечении собственной безопасности Иран полагается только на себя, заявляет, что следует быть готовым к самозащите и к возвращению себе статуса гегемона Персидского залива. Для этого, считают в Тегеране, Ирану необходима собственная военная промышленность и ядерное оружие, а также гарантии для себя от возможных вмешательства и агрессии Соединённых Штатов.

Иранская ядерная программа занимает центральное место в отношениях Ирана и США. Вашингтон предпринимает самые решительные усилия с тем, чтобы не позволить Тегерану обзавестись своим ядерным оружием. Эти усилия могут оказаться успешными, если Иран докажет мирную направленность своей программы, но могут и не принести результата, и в этом случае Соединённым Штатам надо будет строить взаимоотношения с ядерным Ираном. Такая возможность обсуждается, и американской стратегии в регионе придётся тогда искать ответы на целый комплекс непростых вопросов.

Неприятие Соединёнными Штатами конкретных внешнеполитических шагов Ирана усиливает общее отрицательное отношение Вашингтона к внешнеполитической стратегии иранского режима в целом – эту мысль очень четко сформулировал Г. Киссинджер на встрече с президентом В.В. Путиным в июне 2006 года.

В ядерной программе Ирана США видят не только непосредственную угрозу своей безопасности и безопасности территории Израиля, но и риск неконтролируемого распространения ядерного оружия. Для США иранская программа стала символом будущей эпохи ядерных войн на Ближнем Востоке, воплощением опасностей, порождаемых получением ядерного оружия режимами, которые не разделяют гуманитарных ценностей Западного мира и руководствуются иными, чем Запад, соображениями при принятии решений о применении силы. В этом контексте ссылки России на международное право и призывы некоторых западноевропейцев к бесконечным переговорам обладают ограниченным воздействием на американцев – их устроит лишь стопроцентная гарантия того, что нынешний режим Тегерана не получит ядерное оружие. Причём гарантиями третьей страны в этом вопросе США не удовлетворятся. Будь в Иране другой, более приемлемый для Вашингтона режим, та же проблема, возможно, виделась бы из Вашингтона в несколько ином свете. В нынешних же условиях США стоят на крайне жёсткой позиции, по-прежнему не исключая варианта военной операции против Ирана.

Существенная часть американской внешнеполитической элиты поднимает сегодня вопрос о будущем американо-иранских отношений. При этом отмечается, что «уступки», которые желал бы получить Вашингтон в обмен на урегулирование, значительно превышают то, на что мог бы пойти Тегеран.

До того, как американо-иранские отношения зашли в тупик после прихода к власти Ахмадинежада, отдельные американские эксперты предлагали конкретные шаги, которые могли бы подтолкнуть руководство Ирана взглянуть на отношения с США по-другому. Основной среди них была идея пересмотреть политику санкций, ибо становилось ясно, что введённые Соединёнными Штатами запрет на продажу оружия и экономические санкции в лучшем случае лишь несколько замедлили работы в сфере ядерной технологии и создания

баллистических ракет. Эксперты настаивали на сохранении эмбарго на поставки оружия в Иран, но предлагали пересмотреть политику экономических санкций, стимулировать зарубежные капиталовложения в инфраструктуру Ирана и пересмотреть список технологий двойного использования, запрещённых к экспорту. Считается, что сближению позиций двух стран помогло бы согласие Вашингтона на строительство трубопроводов из Средней Азии через территорию Ирана, к тому же, такой проект мог бы ослабить влияние китайских инвестиций в иранской нефтегазовой промышленности. Аналитики также предлагали обеспечить большую прозрачность американской военной политики в регионе Персидского залива. В качестве первых шагов, по их мнению, США могли бы совместно с Ираном обезвредить от мин воды залива, заключить соглашение о предотвращении инцидентов на море, провести совместные учения по спасению на море; могли бы начать дискуссию по проблемам безопасности в формате 6+2, применённом в обсуждении афганского урегулирования.

По мнению сторонников «сближения», данные шаги позволили бы Соединённым Штатам наладить диалог по ряду вопросов, в том числе договориться с Ираном об условиях взаимодействия в Персидском заливе до того, как он укрепит свои позиции ядерным оружием и сможет выступать более жёстко. Они считали, что диалог можно было бы расширить возобновлением академического и студенческого обмена, взаимными визитами чиновников невысокого уровня, поддержкой принятия Ирана в ВТО¹⁸.

Однако администрация Буша настроена на окончательное «решение» иранской проблемы. Частично эта проблема была создана самими Соединёнными Штатами, частично она – продукт сложнейших взаимоотношений Ирана со своими соседями по региону. В разное время подходы Вашингтона к отношениям с Ираном менялись, но США всегда действовали исключительно в своих интересах, порой закрывая глаза на возможные последствия.

В своей иранской политике Вашингтон намеренно оставляет все варианты открытыми. Подход нынешней администрации США к Ирану становится всё более твёрдым и из-за того, что позиции остальных заинтересованных государств и международных союзов по вопросу о взаимоотношениях с Ираном остаются несогласованными. Ни одна страна, включая Россию и КНР, не заинтересована в создании Ираном ядерного оружия, но РФ, например, не испытывает патологического ужаса от наличия в Тегеране нынешнего теократического режима, склонна расширять контакты с Ираном, учитывая при этом свою выгоду, и полагает, что «иранская угроза» преувеличена. Примерно так же относится к создавшейся ситуации и КНР, активно торгующая с Ираном, – недаром его президент был приглашён на саммит ШОС в июне 2006 года.

США были возмущены этими попытками «нажиться» на проблеме, которая с их точки зрения грозит перерасти в глобальную опасность, и такая оценка ими создавшейся ситуации становится все более сильным раздражителем в американо-российских и американо-китайских отношениях. Если Тегеран не согласится на вариант, который гарантирует международному сообществу, и прежде всего Соединённым Штатам и их союзникам, полную безопасность, Вашингтон может всё же пойти на силовой вариант решения проблемы или предоставить эту роль Израилю. Менее вероятным, но также возможным на перспективу представляется вариант, когда США закроют себя и своих союзни-

¹⁸ См., например: Y a p h e J. U.S.–Iran Relations: Normalization in the Future? – «Strategic Forum», No.188, January 2002.

ков противоракетным щитом и оставят Россию и КНР один на один с последствиями превращения соседнего для них Ирана в ядерную державу. И наконец, в Соединённых Штатах рассматривается вариант, при котором в Тегеране сменится политический режим и к власти придут силы, настроенные на более конструктивное взаимодействие с Западом.

Вместе с тем администрация Буша, срок которой заканчивается в январе 2009 г., так и не определилась, в каком состоянии она оставит иранскую проблему следующему президенту. Выступая в связи с пятой годовщиной терактов 11 сентября, Дж. Буш ещё раз уточнил идеологические акценты американской политики на «Большом Ближнем Востоке». Он окончательно открестился от недавно популярного тезиса о столкновении цивилизаций и подчеркнул, что США борются за выживание цивилизации как таковой (т.е. западной цивилизации и западного образа жизни. – *М.Б.*). В отсутствие противодействия разворачивающимся на Ближнем Востоке процессам, полагает американская администрация, этот регион превратится в хаос. «Если мы сейчас не победим врага, – сказал Буш, – то нашим детям придётся иметь дело с террористическими государствами и диктатурами, обладающими ядерным оружием, которые заполонят Ближний Восток»¹⁹.

Пока США действуют через механизмы ООН и «шестёрку» государств, ведущих переговоры о ядерной программе Ирана. В отсутствие прогресса на переговорах с Ираном следующим логическим шагом может быть введение международных экономических санкций против Ирана. С точки зрения Вашингтона, такие санкции скорее станут символическими и будут призваны укрепить единство «шестёрки» и продемонстрировать его Ирану. Серьёзного давления на Иран путём экономических санкций оказать не удастся, на что существуют как минимум три причины. Во-первых, ни Россия, ни КНР не поддержат по-настоящему жёстких санкций против Ирана (по крайней мере сразу); во-вторых, Западная Европа не готова сократить потребление иранской нефти и провести пару-тройку холодных зим, альтернативная же политика энергопотребления, которая сделает Европу ещё более зависимой от российских поставок, также не очень устраивает Париж и Берлин. И наконец, в-третьих, даже в режиме официальных санкций, как это было в ирано-иракской войне, или неявных санкций со стороны Запада в конце 1990-х годов и в начале нынешнего века Иран продемонстрировал умение не только использовать разного рода лазейки и экспортировать свою нефть через третьи страны, но и способность разрабатывать современные системы оружия (ракетные системы, торпеды, собственный боевой самолёт).

Представляется вполне вероятным, что решение о принципиальных шагах в отношении Ирана будет отложено нынешней администрацией до времени, когда ей нужно будет решать вопрос о политическом наследии, которое получит следующий хозяин Белого дома. Свяжет ли Дж. Буш его руки своим решением, будет зависеть не только от ситуации с иранской ядерной программой, положения в Ираке и Афганистане, но и от внутривнутриполитического расклада, который сложится в США к этому моменту. Прецеденты такого рода в американской внешней политике существуют: отец нынешнего президента Дж. Буш-старший, уходя из Белого дома, принял решение о гуманитарной интервенции США в Сомали, а с последствиями этого шага пришлось иметь дело уже администрации Клинтона. Клинтон, в свою очередь, предоставил Дж. Бушу-младшему принимать окончательное решение по НПРО

¹⁹ <http://edition.cnn.com/2006/US/09/11/bush.memorials/index.html>

Если нынешний хозяин Белого дома оставит следующему президенту США свободу рук в иранском вопросе, то это откроет какое-то «окно возможностей» в американо-иранских отношениях и поставит новую администрацию перед принципиальным выбором – либо продолжать силовую политику в отношении Ирана, либо последовать древнему совету: «Если ты не можешь уничтожить врага, договорись с ним». И в Вашингтоне, и в западноевропейских столицах сегодня укрепляется точка зрения, согласно которой Иран своей ядерной программой преследует вполне определённую политическую цель и требует на самом деле признать себя важнейшей региональной державой Персидского залива – это в более узком контексте, а в более широком – всей Азии. Ядерное оружие и в том и в другом контексте используется как инструмент, и, возможно, Иран согласится обменять свою ядерную программу (или, скорее, как-то ограничить её) на признание ведущими мировыми державами его роли реального центра силы.

Требование Ирана весьма амбициозно, и принять его Западу, особенно Соединённым Штатам, будет очень нелегко, так как такой поворот американской политики потребует коренного пересмотра американской стратегии в Азии и перетасовки практически всей системы союзнических отношений на «Большом Ближнем Востоке», прежде всего отношений с Израилем и Саудовской Аравией. Окажется под сомнением стратегия «распространения свободы», составлявшая в той или иной степени основу американской политики в регионе в последние годы, будет поставлен крест на итогах всей внешнеполитической деятельности США в Азии после окончания «холодной войны». Новой администрации придётся признать политику предшественника ошибочной и выдвинуть принципиально новый внешнеполитический проект. Предположить, что США уже готовы вычеркнуть из истории 15 лет своего владычества в Персидском заливе и уступить свою роль региональным державам, пока трудно. Такой поворот возможен лишь в условиях наступления новой волны изоляционизма и отступления США с завоеванных в «холодной войне» рубежей.

Взаимоотношения азиатских региональных держав. Их влияние на политику США

Середина первого десятилетия 2000-х годов отмечена усложнением системы отношений между тремя новыми региональными державами – Индией, Пакистаном и Ираном, и превращением её в сложный комплекс связей, характеризующихся как сотрудничеством, так и соперничеством.

Учитывая развитие событий в регионе, Тегеран обратил большее внимание на отношения со своими соседями на Востоке. С одной стороны, он пытается компенсировать американское военное присутствие в Ираке и Афганистане улучшением отношений с Индией и Пакистаном, с другой – развивает связи с Китаем и Россией.

Исторически *ирано-пакистанские отношения* полны противоречий. До конца 1970-х годов они были хорошими. Иран и Пакистан входили в один военный блок и выступали в «холодной войне» на одной стороне. Эти отношения, однако, были нарушены антишахской революцией в Иране в 1979 г., когда на первый план вышли противоречия.

И Пакистан, и Иран являются исламскими государствами, но Иран – в основном шиитское государство, а Пакистан – суннитское. С приходом к власти в Пакистане генерала Зия-уль-хака был сделан акцент на исламизацию внутренней жизни и внешней по-

литики. С точки зрения Ирана, однако, пакистанская политика отражала лишь специфическое суннитское видение проблем и была неприемлема для шиитов. В Пакистане и на прилегающих территориях рос суннитский экстремизм; обеспокоенный Иран стал, в свою очередь, экспортировать шиитский экстремизм, чтобы сбалансировать рост влияния суннизма в регионе. Обострившиеся взаимоотношения между соседями ещё более ухудшились с началом войны в Афганистане. Иранский режим абсолютно не устраивала политика Зия-уль-хака, который стал проводником американского военно-политического присутствия в Пакистане и Афганистане, но в той же степени Тегеран противился и военному присутствию СССР в Афганистане. Иран вооружал и поддерживал шиитские партизанские отряды, воевавшие против СССР, сохранил с ними связи и после вывода советских войск из Афганистана в 1989 г. Приход к власти в Афганистане суннитского «Талибана» ещё более усилил подозрения Ирана по поводу растущего влияния Пакистана в регионе и обострил отношения между Ираном и Пакистаном.

Иран, Индия (и Россия) поддерживали во внутриафганском конфликте Северный альянс, что ещё более укрепило Пакистан в его антииранской политике. В свою очередь, Иран был крайне возмущён тем, что Пакистан не предпринял никаких мер, чтобы предотвратить убийство талибами группы иранских дипломатов в г. Мазари-Шарифе в 1998 году.

После свержения в Афганистане режима талибов и пересмотра Пакистаном своей проталибской политики в ирано-пакистанских отношениях появились элементы сотрудничества (были проведены совместные военно-морские учения, две страны поддерживают проект строительства газопровода из Ирана в Индию через территорию Пакистана), но элементы соперничества всё же преобладают. Иран обвиняет Пакистан в поддержке американского военного присутствия в Афганистане и в Центральной Азии, подозревает Исламабад в сотрудничестве с Вашингтоном против Ирана. Пакистан, в свою очередь, видит «руку Ирана» в постоянных беспорядках в провинции Белуджистан. В этом контексте весьма трудно объяснить передачу главой пакистанского ядерного проекта Абдул Кадир Ханом Ирану в 1980–1990-х годах технологии обогащения урана. Не исключено, что дело здесь в том, что Иран был готов заплатить большие деньги за эти технологии, а пакистанские военные хотели заработать и наказать США за прекращение ими помощи Исламабаду после вывода советских войск из Афганистана.

Сегодня Вашингтон пытается противодействовать наметившемуся сближению Ирана со своими соседями. В 2005 г. США предложили Пакистану и Индии самолеты F-16, способные нести ядерное оружие. Индия, следуя своей политике диверсификации поставок вооружений, продолжает рассматривать варианты закупок самолетов из России и Европы. Пакистан же предложение США принял. В Тегеране хорошо понимают, что при определённом развитии событий пакистанские F-16 могут быть использованы против него, и это ещё сильнее подталкивает иранский режим к обладанию ядерным оружием.

Ситуация в регионе в значительной степени зависит также от политики Индии и КНР. В последние годы отношения Дели с Пекином кардинально улучшились, выйдя на уровень «стратегических». Индия и КНР приступили к разрешению своего давнего территориального конфликта и поставили целью существенно увеличить товарооборот между двумя странами – в 2004 г. он достиг 13,6 млрд. долларов.

Пакистан, обеспокоенный индийско-китайским сближением, поспешил обновить свои давние дружеские отношения с КНР. Исторически оба государства рассматривали друг друга как союзников в противостоянии Индии в Южной Азии. Именно от КНР Па-

кистан получил конструкцию атомной бомбы, к тому же КНР строит в Пакистане объекты ядерной энергетики. Однако в Исламабаде посчитали, что пакистано-китайским отношениям требуется новый импульс и заключили в 2005 г. с КНР Договор о дружбе и начали переговоры о создании совместной зоны свободной торговли.

Иран также настроился на развитие отношений с КНР. Пекин удовлетворяет 13,6% своих потребностей в энергии за счёт поставок из Ирана и предполагает увеличить эту долю в результате новых договорённостей. Пекин и Тегеран подписали предварительное соглашение, оцениваемое на сумму от 70 до 100 млрд. долл., согласно которому КНР будет покупать иранскую нефть и газ, а также примет участие в освоении Ядавранского месторождения на границе с Ираком. Ранее КНР обязалась закупить в Иране в течение 25 лет сжиженного газа на сумму в 25 млрд. долл. В обмен из Китая поставляются промышленные товары. КНР – ценный для Ирана политический партнёр, так как, будучи членом Совета Безопасности ООН, достаточно долго противостоит принятию антииранских резолюций, инициируемых Вашингтоном.

Другим направлением укрепления диалога в регионе является сотрудничество между Индией и Ираном. Иран и Индия разделяют общий взгляд на проблемы политики в Средней Азии, и активно сотрудничают в энергетической сфере. В январе 2005 г. государственная индийская корпорация «Индиен ойл» (*Indian Oil Corp.*) заключила договор с иранской «Петропарс» (*Petropars*) о развитии гигантского газового месторождения «Южный Парс». В то же время Индия сотрудничает с Ираном в обеспечении безопасности судоходства в Персидском заливе и расширяет иранский порт Чахбабар. Последнее сильно раздражает Пакистан, который также пытается превратить свой соседний порт Гвадар в региональный перевалочный пункт.

Иран и Индия в настоящий момент заняты осуществлением проекта строительства крупнейшего газопровода из Ирана в Индию через территорию Пакистана. Данный проект стоимостью в 4,5 млрд. долл. может существенно укрепить отношения между тремя региональными державами и предложить больше экономических стимулов для укрепления сотрудничества. США недовольны этим проектом, государственный секретарь К. Райс отмечала, что он беспокоит Вашингтон. Индия не принимает этой критики и продолжает двигаться в направлении реализации проекта. Между Индией и Ираном существуют и некоторые военные связи: в марте 2003 г. двумя странами были проведены совместные военно-морские учения. Иран заинтересован в помощи Индии в обслуживании своего военно-морского и авиационного оборудования. В то же время основную массу военных закупок Иран делает в КНР.

Укрепление отношений между Ираном и Индией беспокоят не только Исламабад и Вашингтон, но и Тель-Авив.

Индия признала Государство Израиль в 1950 г., но установила с ним дипломатические отношения только в 1992 г. – до этого развитию связей между двумя странами мешали как израильско-палестинский конфликт, так и та существенная роль, которую играли арабские страны в Движении неприсоединения – главной опоре индийской внешней политики в 1970–1980-х годах. В 1990-х годах мир изменился, и Индия стала искать новые пути обеспечения своих интересов на Ближнем Востоке, а Израиль в свою очередь стал рассматривать Индию как стратегического партнёра в близлежащем нестабильном регионе. Некоторое время укрепление индийско-израильских отношений оставалось в тени, и эксперты заговорили о нём в полный голос лишь в 2003 г., после визита премьер-министра Израиля А. Шарона в Индию. В результате этого визита две страны

существенно расширили не только торговые отношения, но и связи в военно-технической области, в борьбе Дели с кашмирскими сепаратистами. Израиль стал одним из основных поставщиков высокотехнологических вооружений и оборудования для растущих вооружённых сил Индии, заняв критическую для индийского военного строительства нишу модернизации устаревших вооружений ещё советского производства. В этой связи укрепление индийско-иранских отношений не может не беспокоить Израиль – «иранского врага номер один», так как израильтяне опасаются передачи Индией своих военных технологий Ирану, который в военно-техническом плане испытывает те же потребности модернизации старых вооружений.

В перспективе развития отношений в этом сложном регионе можно ожидать дальнейшее сближение Ирана с КНР, Индией и Россией и дальнейшее укрепление связей между Исламабадом и Вашингтоном. В то же время с относительным ослаблением значимости афганской проблематики в региональных делах значение Пакистана для США будет падать. Вместе с тем важность Ирана в мире может продолжать расти в зависимости от того, в частности, насколько быстро энергоресурсы Каспия будут представлены на мировом рынке.

Что касается политики США в регионе, то, вероятнее всего, в отношении Индии и Пакистана Вашингтон будет и дальше проводить политику, направленную на укрепление долгосрочных отношений с Индией, предотвращение сползания Пакистана к нестабильности, упреждение регионального конфликта в Южной Азии, ограничение распространения ядерного оружия и ядерных технологий из Пакистана, борьбу с терроризмом в регионе и противостояние расширению роли КНР в зонах Индийского океана и Персидского залива.

Среди некоторых американских экспертов существует мнение, что, поскольку Индия является стратегическим соперником КНР, она может занять своё место в силовой стратегии США, которая в будущем может быть ими принята в отношении Китая. Такое предположение, видимо, не отвечает современным реальностям региона: во-первых, Индия и КНР всё более укрепляют своё двустороннее партнёрство, во-вторых, Индия не склонна предоставлять свои вооружённые силы для обслуживания чьих-либо интересов. Политика США в отношении Индии будет, видимо, следовать проторённым путём признания Южной Азии зоной особой ответственности Индии и постепенного укрепления экономического и военного партнёрства с этой страной. Вероятно, США будут поддерживать Индию в её желании занять место в СБ ООН и в «Большой восьмёрке».

На отношения с Исламабадом будут влиять потенциальные угрозы Соединённым Штатам, которые могут стать реальными при неблагоприятном развитии событий в Пакистане. К 2025 г. Пакистан станет пятой по численности населения страной мира, он обладает ядерным оружием, и его банкротство как государства по своим последствиям для США и международной безопасности в целом приведет к гораздо худшим последствиям, чем события в Афганистане и Ираке. Соединённым Штатам придётся работать с Пакистаном по многим направлениям, главным же образом – стараться убедить пакистанские власти разорвать отношения с многочисленными экстремистскими и террористическими организациями, которые оспаривают принцип светского государства, заложенный в основу строительства Пакистана одним из лидеров движения за его независимость и первым генерал-губернатором страны М. Джинной.